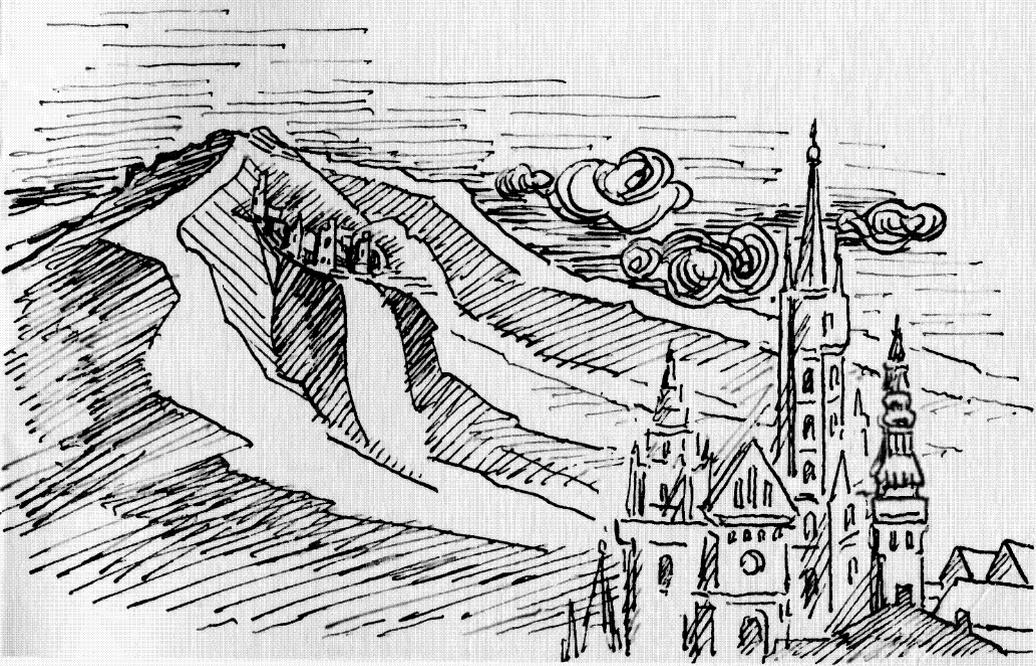

Шагин Чагаев

Унесённые ветром прошлой войны...

Уважаемому коллек-
ту в Толстовской
библиотеке от автора

5.07.2007. *Ручка*

Мюнхен.

Шагин Чагаев

**Унесенные ветром
прошлой войны...**

Рассказы

Ростов-на-Дону
«РостИздаТл»
2006

ББК 84-5
Ч 12

Ш.Е. Чагаев

Ч 12 Унесенные ветром прошлой войны... Рассказы.
– Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2006. – 60 с.

В книгу Ш.Е. Чагаева, гражданина России, проживающего в Германии, вошли рассказы разных лет о людях непростой судьбы, в том числе переживших фашистскую оккупацию или ставших эмигрантами.

Данное издание – пятая книга автора.

ISBN 5-7509-1145-4

© Ш.Е. Чагаев, 2006
© В.П. Высочин, оформление, 2006
© ООО «Ростиздат», 2006

Ночная исповедь

Надежда Константиновна, на сон грядущий помолвившись, направилась в спальню. Вдруг послышался резкий стук в двери и чей-то женский голос. Выйдя в коридор, хозяйка подошла к двери.

– Откройте, откройте, пожалуйста, настойчиво и с мольбой в голосе просила женщина. – Спасите меня, за мной гонятся! Откройте...

– Милая моя, я пожилой человек и боюсь ночью открывать двери.

– Христом Богом прошу вас – откройте!

Старушка, не выдержав, открыла дверь. В коридор торопливо вошла молодая, модно одетая женщина с окровавленным лицом. Надежда Константиновна со страху отпрянула к стене. Вошедшая, рыдая, повернулась к двери и быстро захлопнула её на замок.

– Гражданочка, что с вами? Кто вас избил? – спросила хозяйка квартиры.

– Извините меня, мамаша, за мной гонятся мужчины, хотят убить.

– Милая моя, вы успокойтесь... Никто сюда не придёт. Пройдите в ванную, приведите себя в порядок, смойте с лица кровь...

Надежда Константиновна помогла переодеться незнакомке, йодом обработала её раны на лице и голове. Познакомились. Пострадавшая назвалась Татьяной и, успокоившись, рассказала о своём «ремесле» в гостинице «Интурист», что находится на улице Журавлёва. На вопрос старушки, за что её избили, Татьяна без стеснения ответила:

– Начала шарить по карманам заснувшего клиента, а он, как оказалось, притворился спящим и начал меня избивать. А что мне оставалось делать, он же не заплатил..!

Надежда Константиновна выразительно и по-матерински ласково посмотрела на Татьяну, загадочно улыбнулась. Татьяна удивлённо спросила:

– Надежда Константиновна, почему вы улыбаетесь? Вы мне не верите?

– Очень даже верю и сострадаю, милая ты моя! Когда-то такое случилось со мной... Много лет прошло с тех пор, но это не забудется никогда!

– Надежда Константиновна, вам тоже пришлось в молодости заниматься...

– Да, милая Танюша, пришлось, – задумчиво и тихо начала свой рассказ пожилая женщина. – В 1916 году я осталась вдовой. Муж, молодой офицер, погиб на фронте, детей у нас не было. Я вернулась из Петрограда в Ростов к родителям. Жили они в большой фешенебельной квартире на Соборной площади. Мой отец работал в Ростовском коммерческом банке на Большой Садовой, мама – преподавателем французского и немецкого языков в гимназии. Я же окончила институт благородных девиц в Петрограде. Мне хотелось поехать во Францию и поступить в Сорбонну, но замужество нарушило мои планы. Переворот в феврале и октябре 1917 года отразился на моём семейном положении, профессионального образования я так и не получила. А в период гражданской войны на Дону нам очень не повезло: мы остались без средств к существованию. Отец и мать поехали привезти кое-какие продукты, но на обратном пути их ограбили бандиты и сбросили с поезда. И как я не пыталась их разыскать, всё безуспешно. Позже мне стало известно, что их похоронили жители недалеко от Таганрога. Так я осталась одна.

В «нэповском» Ростове появились заезжие коммивояжеры и авантюристы, залётные бандиты и шулеры из Закавказья. Вечерами страшно было выйти из дому. А жить-то на что-то надо было, и я пошла работать уборщицей в «Деловой двор» – ныне гостиница «Дон». Проработала я там четыре месяца, и мне директор гостиницы предложил сменить профессию – стать «администратором» этажа, следить за порядком и поведением гостей. В то время я ещё не представляла себе, в чём заключаются мои обязанности и как мне, молодой женщине, удастся с ними справиться.

Наконец, меня представили «хозяйке гостиницы» мадам Пашковой, которая распоряжалась «богемной жизнью» в гостинице. Эта своенравная и энергичная дама усадила меня перед собой и сказала: «Наденька, вы, такая симпатичная и молодая, попали в нашу семью деловых женщин гостиницы... Так почему бы вам ни преумножить популярность нашего заведения и собственный бюджет?» Когда я спросила у мадам, каким образом можно это сделать, она мне ответила: «Красотой своего тела!» Я, естественно, возмутилась и наговорила ей много дерзостей. Она спокойно выслушала меня и сказала: «В таком случае, Наденька, вам придётся покинуть гостиницу. Нам нужны... сообразительные дамы, приносящие доход заведению».

Почти неделю я просидела дома и проплакала. Всё, что было у меня ценного, продавала или меняла на продукты. Как-то в воскресный день я сидела на скамейке городского парка, что на Большой Садовой. Ко мне подседа приятная дама с красивыми темными волосами, разговорились мы с ней о житье-бытье. Она оказалась француженкой, приехавшей в Ростов ещё в 1912 году по приглашению владельца кафе-шантана господина Авакова. Звали её Жаклин Бомарше, было ей в ту пору двадцать четыре года. Господин Аваков, армянин из Ростова, приехал по делам в Париж и случайно познакомился с «милой безработной парижанкой». Когда Аваков подписал с Жаклин контракт и привёз её в Ростов, то оказалось, что у него уже были собраны танцовщицы из многих стран Европы. Кафе Авакова посещали состоятельные и знаменитые люди города, развлекались всю ночь, а женщины их «ублажали». Революция и гражданская война разорили господина Авакова, танцовщицы-иностранки уехали домой в Европу, а Жаклин решила остаться в Ростове.

После нашей встречи в городском саду мы с Жаклин подружались, и я пригласила её к себе жить. Жаклин согласилась. Когда я рассказала о предложении мадам Пашковой, француженка спросила:

– Вы после замужества имели интимную близость с каким-нибудь мужчиной или нет?

– Да, была встреча с одним молодым человеком... но он мне нравился...

– Значит, вы смогли преодолеть себя?

– Но это было всего один раз, в годы моего одиночества...

– А вы знаете о том, что каждая женщина, несмотря на свои убеждения, обязательно должна иметь интимную близость с мужчиной, если даже он не станет её мужем? Дорогая, поймите меня правильно, если вы в течение года не будете иметь эту близость, то станете психически неуравновешенной и раздражительной. И, наконец, вы имели бы возможность выйти замуж.

Короче говоря, Жаклин убедила меня идти к мадам Пашковой. Мы отправились к ней вдвоём. Оказалось, что они знакомы и когда-то вместе «работали» у господина Авакова. Так, Жаклин стала «инструктором», а я «помощницей». Можешь представить, как мне было трудно и унижительно «работать». Жаклин специально подбирала мне клиентов: молодых, симпатичных и более или менее интеллектуальных. Правда, право выбора было за клиентом, но Жаклин удавалось как-то отговорить какого-нибудь старика от его намерений воспользоваться мной.

Вскоре произошла трагедия. Случилось так, что я заболела гриппом, и Жаклин пришлось подменить меня на несколько дней. Прошёл день, другой, а она не появилась дома. Я начала волноваться. Пересилив недомогание, я пошла в гостиницу. Оказалось, что Жаклин убили. Накануне вечером, будучи с клиентом в номере, её случайно застрелили из пистолета. Убийца, забравшись на балкон гостиницы, целился в клиента, а попал в голову Жаклин. Так и погибла несчастная женщина, став жертвой чужого покушения.

– Надежда Константиновна, а как в те годы платили клиенты, и что из этого причиталось мадам Пашковой? – спросила Татьяна.

— В ходу были разные деньги, но предпочтение отдавалось золотым монетам и украшениям из драгоценных камней. Мы знали, что заезжий клиент не может приехать в гостиницу без золотой валюты, иначе никакой сделки в Ростове не будет. За «сеанс» мы брали золотую «пятёрку», не считая угощения за счёт клиента. Мадам Пашковой приходилось отдавать половину общей выручки за ночь. Бывало, провозишься с клиентом, а он скотски пьян... О каком сексе можно толковать? Положишь его на кушетку, постелешь под него клеёнку, как под младенца, сидишь и ждёшь, когда он соизволит проснуться. А деньги-то не заплачены, время идёт... Вот, прости Господи, и начинаешь шарить по карманам, чтобы найти эту злополучную «пятёрку». Иногда повезёт, а частенько бывало и не находишь денег, одни пустячные безделушки или холодное оружие.

Сегодня вечером, ты прибежала и постучала в мои двери, а не к соседке... Как ты думаешь, это случайность или судьба? Я думаю, что это твоя судьба, что Господь привёл тебя именно ко мне, бывшей проститутке. Моё предназначение теперь в том, чтобы спасти тебя. Может это последнее, что я могу сделать... А теперь послушай, что произошло со мной в июне 1923 года.

Мадам Пашкова послала меня в номер к одному кавказскому коммерсанту. Войдя в номер, я увидела огромного симпатичного и розовощёкого грузина, который назвался Резо. Он меня радушно принял и начал любовные игры, но на свой манер. Мне это не очень понравилось, и я ему предложила свой секс. Он был доволен. Всё шло вроде нормально, и вдруг, неожиданно, он схватил меня за волосы и начал бить головой о стол. Сколько я не кричала, никто на помощь не пришёл. Тогда я изловчилась и ударила его ногой ниже живота. Раздался дикий вопль, Резо упал на пол, а я с окровавленным лицом, выскочив из гостиницы, побежала домой. Когда я поднялась на лестничную пло-

щадку, вспомнила, что ключи от квартиры остались в гостинице. Пришлось стучаться к соседям. Я не рассказала им о случившемся, соврала, будто меня избили хулиганы. Мадам Пашкова была недовольна моим проступком и сказала: «Если каждая из нас начнёт своевольничать с клиентом, то мы лишимся гостей и закроем гостиницу. Ещё один такой инцидент, и я тебя уволю!».

В гостинице я «проработала» до конца 1924 года. Закончился НЭП, начался сталинский режим в экономике, очень далёкий от социализма. Многие мои подруги вышли замуж за коммерсантов и уехали за границу. Я осталась в Ростове, занялась поисками работы.

– Надежда Константиновна, а разве нельзя было устроиться в другую гостиницу и занять там какую-нибудь должность, чтобы не заниматься клиентами?

– Милая Танюша, после НЭПа началась безработица, люди ночевали на бирже труда, имея хорошую специальность. Единственное, где можно было бы устроиться на работу, это в коммунальных учреждениях или в райкомах ВКП/б и то по рекомендации каких-либо чиновников.

– А почему же вы не стали искать мужчин, которые помогли бы вам с трудоустройством? Вы такая интересная женщина...

– Я не сидела, сложа руки. В поисках работы бежала по всему Ростову и Нахичевани. Наконец, мне повезло: я познакомилась с инструктором Пролетарского райкома партии. Мужчина вроде бы и не плохой, но очень любил выпить. Бывало, придёт ко мне, принесёт вкусные продукты, две бутылки водки, да сам их и выпьет за один присест. Потом начинает приставать ко мне, пытаюсь изображать любовь и ласку. Всё кончалось тем, что положу его на кровать, как «казанскую сироту», а сама сижу и плачу. Так «прожила» я с этим инструктором до 1927 года, а потом устроилась на работу в аппарат горкома ВКП/б. Работала я секретарём-референтом у начальника хозчасти. Должна при-

зняться работалось мне хорошо. Иногда, во время партийных съездов, мне приходилось размещать делегатов по гостиницам Ростова и организовывать застолье для партактива. И как я ни старалась уйти от интимных потребностей партийных руководителей, они меня находили и требовали «привести девушек», слово «дама» для них звучало вульгарно и по-буржуйски. Так я поневоле стала сутенершей, за что и ценил меня мой непосредственный начальник Владимир Акопович Термолаев. А вот с «девушками» приходилось расплачиваться мне: то отрезом на платье, то продуктами или билетами в кино и театры.

После коллективизации тридцатых годов жить стало ещё трудней. В Ростове появилось очень много женщин с детьми. Им удалось бежать из-под конвоя местных милиционеров. В основном, это были беженки из зажиточных крестьянских (кулацких) семей, очень многие были образованны. Пользуясь безвыходным положением этих женщин, в Ростове ожили сутенёры и открыли ими торговлю в приезжих местах и на центральном рынке города. Пленум горкома ВКП/б принял постановление о борьбе с проституцией и детской беспризорностью в Ростове. Мне и нескольким сотрудницам горкома поручили заняться разоблачением сутенёров и проституток. По понятным причинам, я не пришла в восторг от этого «поручения». Но деваться было некуда, если бы я отказалась, то меня могли уволить и попробуй после этого куда-нибудь устроиться. Так и стала я «сексотом» по «ночным бабочкам». Пришлось модно приодеться за счёт горкомовского гардероба и пойти по значным местам теперь уже советского Ростова.

По правде сказать, некоторые мои «коллеги» настолько переусердствовали в выполнении партийного поручения, что после них устраивались милицейские облавы, и несчастных женщин, без суда и следствия, десятками сажали в Богатыновскую тюрьму. Я придерживалась иного – совести и милосердия, поскольку

на себе испытала «радости» такой жизни. За один год мне удалось выявить более пятидесяти женщин, больных кожно-венерическими заболеваниями и поместить их в диспансер, более сорока женщин – трудоустроить на ростовских фабриках и прачечном комбинате. Впоследствии многие из этих женщин часто приходили ко мне в гости.

В 1934 году начались «партийные чистки» и борьба с «троцкизмом». К нам из Москвы еженедельно приезжали члены ЦК и Госпартконтроля. НКВД начало ночные аресты «врагов народа» и неблагонадёжных граждан. Хозчасть, в которой я продолжала работать, несмотря ни на что занималась своими функциями – встречала и провожала высоких партийных гостей. Пришлось и мне, скромной служительнице, «разделить одиночество» с начальником партконтроля ЦК товарищем Шкирятовим. Человек он был весьма подозрительный и осторожный. Прежде, чем мы сели с ним за стол в охраняемом номере гостиницы, он несколько раз заглянул в ванную комнату, прислушался, стоя у входной двери, осторожно выглянул в окно. Потом начал расспрашивать меня: из какой я семьи, не связана ли с врагами народа... Довёл меня до такой кондиции, что я уже готова была стоять по стойке «смирно!», а не ложиться с ним в постель! Когда же дело, наконец, дошло до постели, обнаружилась полнейшая извращённость, если не сказать большего. Пришлось этого высокопоставленного дядю учить тому, как «это» делается красиво и грамотно. Мои старания не пропали даром. На следующий день товарищ Шкирятов предложил мне сопровождать его по городам Азово-Черноморского края. Я пообещала, но не пришла, за что мой непосредственный начальник получил устное порицание за «плохую дисциплину подчинённых ему людей», а я отделалась лёгким испугом.

– Надежда Константиновна, а вы не боялись того, что вас тоже причислят к лику «оппортунистов» и посадят? Ведь вы, наверняка, что-то знали.

– Да, Танюша, я уже очень многое знала и понимала. И мне почему-то не было страшно. Знаешь, когда я вела беседу с женщиной, то ход его мыслей и поступков предугадывала на несколько порядков вперёд и сама инициатива переходила ко мне. Я была знакома с начальником краевого НКВД, и они прекрасно знали, кем я была раньше. Но они относились ко мне почему-то с доверием и уважением. Даже первый секретарь крайкома товарищ Шаболдаев, довольно угрюмый и неразговорчивый человек, тоже знал обо мне. Очень жаль, но этого человека сделали врагом народа и расстреляли в 1937 году. Таким образом, милая моя, проработала я в горкоме партии до 16 ноября 1941 года, до первой оккупации Ростова.

– Почему же вы не эвакуировались с горкомом? Ведь немцы могли узнать, что вы были партийным работником, да ещё в горкоме...

– И ты меня называешь «партийным работником?». Какой из меня партийный функционер, когда я всей душой ненавидела этот так называемый социализм, замешанный на людской крови! А все те, кто меня окружали или пользовались моим телом, жалкие подонки и фанатики, тоже обманутые вождями пролетариата. Любой человек, а особенно незащищённая женщина, попадая в революционный водоворот, становится чьей-то жертвой и пытается выжить любым доступным ему путём, не теряя совести и достоинства. За годы моей грешной жизни я стала жёстче относиться к людям, оценивая их по индивидуальным способностям, но быть милосердной к униженным и оскорблённым... Жестоким врагом захватил Ростов. Почему это произошло, и никто из партийных руководителей не смог это предотвратить? Значит, система социализма не выдержала такого испытания, не годилась она для великой России, и я это тоже поняла. Мне, как и миллионам моих сограждан, пришлось выживать самостоятельно. В конце ноября немцы отступили из Ростова, уничтожив

десятки тысяч ростовчан. В город вернулась Красная Армия, а в обозе с ней – Ростовский горком. Больше я к ним не пошла работать, а устроилась чернорабочей и, как тысячи ростовчан, взяв лопату в руки, пошла разбирать развалины города. Мои знакомые и подруги смеялись надо мной, но я была непреклонна.

Второй раз немцы оккупировали Ростов в июле 1942 года. Вот тогда я поняла, что надеяться можно только на себя и решила заняться «делом». В августе, когда начала работать оккупационная власть, я пошла на биржу труда и предложила открыть кафе или казино для немецких офицеров. Бургомистру города понравилось моё предложение, и он связался с руководством местного гарнизона. Было выделено большое полуподвальное помещение на углу Газетного и Большой Садовой (ныне там платные туалеты). Ростовское гестапо настояло на том, чтобы директором казино был немецкий зондерфюрер, а я – распорядительницей. Пришлось с этим согласиться и начать подбор «кадров». Я нашла хороших женщин-поваров, буфетчиц и посудомоек, официанток выбрала среди учителей немецкого языка и студенток пединститута. В моём понимании, официантка не должна быть кадровой проституткой, поскольку связана с разносом пищи, и заболеть или забеременеть для неё исключалось. Я пригласила знакомого мне врача-гинеколога, который должен был оформить на каждую женщину санитарную книжку, и, если необходимо, оказывать медицинскую помощь. Кроме этого, прежде чем будет оказана услуга клиенту казино, я должна была вежливо представиться ему, оговорить условия этичного поведения с женщинами, получить предоплату и только тогда направить к нему женщину.

За несколько месяцев работы нашего казино не было жалоб ни со стороны «клиентов», ни от моих женщин. Были случаи, когда я вежливо отказывала в услуге тому или иному клиенту из-за степени его опьянения. Если его это не убеждало, то вызывала директора-немца, и он в популярной форме выпроваживал гостя. А с

русскими клиентами, таких тоже было немало, все вопросы решала сама. Как-то в январе 1943 года, в казино пришли несколько офицеров-казаков из числа отступающих казачьих формирований с Кубани. Узнала я их по форменной одежде и шашкам. С ними был и немецкий офицер, сносно говорящий по-русски. К вечеру они хорошо напились, и потянуло их на «подвиги». Один из них обратился ко мне:

– Мадам, я и мои друзья желаем развлечься с вашими барышнями! Сколько это будет стоить для русских офицеров?

Я ему объяснила, что цена услуги для всех господ-посетителей казино одинакова.

– Для русского офицера должна быть скидка, мадам! – нагло заявил он, и лицо его покраснело от злости.

– Для моих женщин безразлично, какого цвета или национальности «мужская достопримечательность»! – сказала я в ответ этому субъекту. Он разразился диким смехом и вышел из моего кабинета.

Уже в конце января я поняла, что немцы терпят поражение и пора «сворачивать лавочку». Остаться в Ростове я уже не могла, иначе меня судили бы как «пособника оккупантам», хотя, на мой взгляд, это была своеобразная «коммерция» на добровольных началах. Женщины, имеющие детей, естественно, не могли ехать со мной, да и «вина» их недоказуема. Таким образом, в первых числах февраля 1943 года я и четверо моих женщин, получив социальные «аусвайсы», выехали в Таганрог. Деньги и драгоценности у меня были, и потому мне удалось сравнительно быстро прописаться со своей группой в городе, получить свободную квартиру на Смирновском проспекте. А через неделю мы устроились в кафе грека Асланиди, недалеко от Нового рынка. Мои девочки стали официантками, а я – метрдотелем. С «основной профессией» пришлось завязать, настало время, когда необходимо было позаботиться о своей безопасности и спокойной жизни.

В июне 1943 года я выехала поездом на Украину, в Харьков, где договорилась со своей двоюродной сестрой Верой о жилье и фиктивной прописке нас, как беженок из немецкого концлагеря в Мариуполе. Вернувшись в Таганрог, я обнаружила, что мои девочки начали пошалить с немецкими офицерами, и одна из них заболела гонореей. Дело ясное, пришлось её лечить, и только в июле, собрав свои пожитки, мы выехали в Харьков. Женщины вышли замуж, разъехались по Украине, а я в 1958 году вернулась в Ростов.

Квартиры у меня не было, от дома остались одни руины. Прописалась я у своей подруги, и жили мы с ней вдвоём, здесь, в этой квартире, до 1990 года, пока она не скончалась от рака. Вот так, Танюша, я осталась одна, 90-летней старухой!

– Надежда Константиновна, простите за нескромный вопрос. Скажите, как вы определяли, болен мужчина или нет?

– О, милая, это очень сложно! Ещё была жива Жаклин, царствие ей небесное, она учила определять по запаху. Когда мужчина обнимает тебя, он возбуждается, и, расположенная за ухом, сесмайдальная железа начинает выделять пот... Если он здоров, то запах бывает обычным, без примеси уксуса и кошачьей мочи. Мне частенько приходилось это ощущать. Сам мужчина может и не знать, что болен гонореей, особенно в начальной стадии. Чтобы не заразиться и не обидеть такого клиента, постарайся сослаться на недомогание или спровоцируй его на преждевременную эрекцию... Ну, хватит, кажется, я слишком увлеклась!

– Надежда Константиновна, вот слушаю вас и думаю, какая же я неотёсанная и глупая! Занялась грешным ремеслом, а вот таких навыков у меня нет. Всё, пора кончать, не хочу больше никого «видеть и нюхать»! К чёрту всю эту грязь!

– Да, милая моя, бросай эту «работу» и уезжай к матери в деревню. Я не желаю тебе «умудрённого старческого одиночества». Выходи замуж, нарожай детей, забудь и не вспоминай прошлого.

Эта случайная встреча и столь эмоциональный диалог между Надеждой Константиновной и Татьяной был первым и последним. Татьяна вняла совету доброй женщины и уехала в деревню. А в рождественскую ночь 1993 года Надежда Константиновна скончалась от инфаркта. Соседи похоронили её на Северном кладбище. Через два года в Ростов приехали Татьяна с мужем и поставили на могиле скромный памятник.

Тайное захоронение

Павел Мартынов, офицер в отставке, приехал с женой на городское кладбище, где похоронена его тетка. С грустью он смотрел на покосившийся памятник с еле заметной надписью «Пименова Екатерина Ивановна 13.01.1918-13.01.1985» и, тяжело вздохнув, опустил мешок с ящиком возле металлической ограды. Его жена Валентина, открыв дверцу ограды, подошла к памятнику и положила цветы. Затем, оглянувшись, она спросила у мужа:

– Паша, нас не накажут за подзахоронение..?

– Не волнуйся, я все сделаю незаметно... Мы же занимаемся ремонтом памятника... – деловито ответил Павел, доставая инструмент.

Недалеко, в метрах тридцати, среди прочих могил, на скамеечке сидела пожилая женщина и задумчиво смотрела на портрет покойного супруга. Казалось, что она о чем-то говорила, иногда кивая головой. День выдался солнечным и теплым, голуби и вороны садились на постаменты и склевывали оставленные посетителями фрукты и разную снедь, поминая усопших.

Павел очистил площадку вокруг памятника от поросшей травы и ломом попытался приподнять памятник с покосившейся стороны. Неожиданно земля под памятником начала проваливаться и образовалась ниша.

– Паша, будь осторожен, опускается плита! – испугавшись, предупредила Валентина и схватилась рукой за обелиск.

– Не бойся, не завалится..! Лучше прикрой меня от старушки... Нужно вытащить ящик из мешка..! – взволновано произнес Павел и подтащил к себе мешок. Валентина тревожно посмотрела на женщину, которая уже медленно шла в их сторону. Павел быстрым движением, не извлекая ящика из мешка, сунул его в образовавшуюся нишу и начал забрасывать травой. Вскоре женщина подошла к ограде, где Павел и Ва-

лентина суетливо собирали траву и заталкивали ее под памятник.

– Решили подремонтировать памятник Екатерины Ивановны? – спросила скрипучим голосом старушка.

– А вы ее знали? – спросила Валентина.

– Знала... Мы были соседями... А памятник стоит-то криво! Не травой, а землей и камнями нужно равнять!.. – заметила старушка и, ехидно улыбнувшись, пошла в сторону центральной аллеи.

– Паша, по-моему, старуха учуяла!.. – тревожно произнесла Валентина.

– Ну и хрен с ней! – грубо ответил Павел, вскапывая землю лопатой и забрасывая сверх травы. – В багажнике лежит несколько шлакоблоков.., затолкаем их туда и все будет в порядке!

– Пойти к машине и с Виктором принести их сюда? – спросила Валентина.

– Виктор об этом ничего не знает... Пойдем вдвоем и принесем... – отложив лопату, сказал Павел и вытер платком пот с лица.

Сын Мартыновых, действительно, ничего не знал о том, что привезли на кладбище его родители, он сидел за рулем «жигулей» и спокойно дремал. Когда Павел открыл багажник, Виктор проснулся и вяло спросил:

– Па, тебе помочь или ты сам?..

– Сиди, мы с матерью управимся...

Вскоре, за две ходки, супруги перенесли шесть штук серых шлакоблоков и установили их под памятник. Затем, Павел засыпал оставшееся пространство землей.

– Вот и все! Доставай водку и закуску, помянем их... – Устало сказал Павел и поставил лопату у ограды.

Валентина открыла сумку и вытащила содержимое, бутылку водки и бутерброды.

Павел налил в стаканы водки и, со скорбью на лице, сказал:

– Ну, тетя Катя, теперь будете лежать вместе!.. Царствие вам небесное на двоих...

– Пусть им земля будет пухом... – печально прошептала Валентина. Супруги выпили, закусили и, взяв инструмент, направились к машине.

– Может, напрасно мы это сделали, Паша? – снова спросила Валентина.

– Молчи, глупая, мы исполнили христианский долг! Надеюсь, что старуха ничего не заметила...

– Дай-то, Бог, чтобы не заметила, а все же...

Сев в «жигули», Виктор повез родителей вдоль центральной аллеи к воротам кладбища.

Неожиданно, будто из под земли, появился автоинспектор и указанием жезла остановил машину Мартыновых. Подойдя к водителю, автоинспектор представился и потребовал документы. Виктор с недоумением посмотрел на отца, сидящего рядом и передал удостоверение «гаишнику». Старшина проверил документы, не сделав замечания, а потом обошел машину и попросил сидящих супругов пройти в контору кладбища.

– По какому праву вы нас задерживаете, разве мы нарушили правило? – возмущенно спросил Павел старшину.

– Не возмущайтесь, граждане, пройдем в контору и там разберемся, – равнодушно ответил старшина.

Вскоре супруги Мартыновы и старшина вошли в контору кладбища, где их дожидался директор городского кладбища и гражданка Никитина. Никитиной Варварой Васильевной оказалась та гражданка, которая заподозрила Мартыновых в осквернении памятника Пименовой Екатерины Ивановны.

– Поступило устное заявление от гражданки Никитиной о том, что вы, являясь родственниками усопшей Пименовой, во время ремонта надгробия, что-то заложили под памятник... Это правда? – строго спросил директор у Мартыновых.

– Ничего мы не подкладывали, а мешок с камнями и шлакоблоками заложили для устойчивости надгробия... – ответил Павел. – А что, разве, нельзя производить ремонт памятника без вашего ведома?

– Можно... – ответил директор, – но гражданке Никитиной показалось что-то другое.

– Вы, товарищи, разбирайтесь, а я поеду... – сказал старшина и вышел из кабинета.

– Гражданка Никитина, может, действительно вам показалось?.. – спросил директор. – Вы слышали объяснение гражданина Мартынова?

– Да, слышала, наверное мне показалось... – виновато улыбнувшись, ответила Никитина. – Извините, товарищи, плохо видеть стала...

– Это хорошо, граждане, что вы бдительны на городском кладбище... у нас, за последнее время очень часто оскверняются памятники... Считаю вопрос исчерпан, все свободны! До свидания...

– Нехорошо, бабушка, клеветать на соседей, постыдились бы в таком возрасте! – упрекнула Валентина старушку на выходе из кабинета директора. Никитина промолчала.

Наконец, Мартыновы вернулись домой.

В конце июля 1942 года город Ростов был оккупирован немцами во второй раз. Войска 17-й армии генерала Руоффа продолжили наступление на Кубань, а тыловые оккупационные части вермахта были расквартированы в городе, особенно, в районе Ленгородка, поближе к железнодорожному вокзалу. Тогда, еще молодая девушка, Екатерина Пименова жила с отцом по улице Гусева в частном доме с небольшим двориком. Дружила она со своей соседкой – сверстницей Полей Андреевой, а работали они до войны официантками в ресторане вокзала. После оккупации девушки остались без работы, а позже начался массовый угон молодежи в Германию. В августе

1942 года на квартире Полины Андреевой остановились двое унтер-офицеров транспортной службы: Вальтер Эрлих из Веймара и Отто Кремер из Мюнхена. Эрлиху было двадцать шесть лет, крепкого телосложения, блондин с хорошими манерами и очень любил музыку, а Кремеру – двадцать восемь, брюнет, очень

любил готовить и хорошо поесть. Эти офицеры уже прошли половину Европы, начиная с 1939 года, им здорово везло по службе, находясь в тыловых войсках. На Ростовском железнодорожном вокзале были сооружены два склада: один продовольственный для снабжения военнослужащих вермахта, отбывающих в отпуск, а второй – вещевого довольствия и обмундирования. Первым складом заведовал Эрлих, вторым – Кример. остановившись на квартире у Полины Андреевой. Унтер-офицеры чувствовали себя уютно, занимали одну комнату, а в остальных жила Полина с матерью. С первых дней пребывания унтер-офицеры завезли очень много продуктов в дом Андреевых, постельное белье и посуду. Причем, продуктами было разрешено пользоваться и хозяевам дома. Это отношение немцев к хозяевам безусловно вызвало взаимное доверие и уважение к квартирантам. Первое время немцы и хозяйка общались с помощью разговорника, который имелся у каждого военнослужащего вермахта, но потом Полина пустила в ход весь свой словарный запас немецкого языка, которым владела в школе. Как-то, вечером, к Полине зашла Екатерина Пименова и застала ее в кругу немцев, устроивших по какому-то поводу ужин с выпивкой и музыкой под патефон, где-то раздобытый немцами. Екатерину усадили за стол, налили рюмочку «кюммеля» и поставили бутерброды с колбасой и голландским сыром. Полина уже была выпившей и ей хотелось, чтобы Екатерина поддержала ее в компании немцев, тем более, что разговор шел об их трудоустройстве в немецком вокзальном ресторане.

– Катя, не стесняйся ребят, они нам помогут!.. – радостно улыбаясь, сказала Полина.

– Не удобно как-то пить с немцами... – стесняясь, ответила Екатерина. – Может быть, я пойду домой? Да и перед соседями...

– К черту этих соседей. Катя! Нам нужно выжить чтобы не угнали в Германию!

Наконец, Екатерина выпила и закусила, чем выз-

вала восторг у немцев. Эрлих понравилась Екатерина и он сел рядом с ней.

– Ви хорошо фрейлен тринке шнапс... Ви лубит танцен..? – путая русский с немецким, спросил Эрлих у Екатерины.

– До войны танцевала... – ответила Екатерина, – а сейчас не до танцев...

Эрлих из сказанного ничего не понял, поставил пластинку «Рио-Рита» и пригласил Екатерину. Кремер то же последовал примеру своего друга и пригласил Полину. Манера танцев немецких кавалеров очень отличалась от наших, особенно, ритм и выходы, поэтому наши девушки часто сбивались, чем вызывали смех у немцев и комплименты. После нескольких рюмок выпивки, Эрлих заставил девушек спеть «Катюшу», а потом немцы спели свою любимую «Лили-Марлен».

По рекомендации Эрлиха и с помощью знакомых офицеров, Полину и Екатерину удалось устроить посудомойщицами на вокзальном ресторане. Эрлих объяснил девушкам, что официантом может работать тот, кто знает немецкий язык. Девушки были довольны и этой работой, хотя очень уставали. Девушки получали жалованье по десять рейхсмарок в месяц и ежедневно приносили продукты. А Ивану Петровичу Пименову – отцу Екатерины, Эрлих передавал ежедневно по пачке сигарет «Юно» и спички.

– Ты, Катерина, полегче с этим немцем, того..., – предупредил отец. – Давать-то, дает все, а потом еще и свое возьмет..!

– Не волнуйся, папа, Вальтер скромный парень, он ко мне не пристаёт... недавно показывал портрет жены и детей... Он хороший...

Как-то в конце сентября, на улице Собино, в одном из подъездов дома нашли убитого немецкого солдата. В спине у него торчал нож, видимо, солдата убили партизаны. Гестапо и войска СС перекрыли улицы Собино и

Гусева от Лендворца до переулка Рыбный. Нача-

лась облава и взятие заложников из каждого дома по одному человеку.

В тот день Полина и Екатерина были дома, а Эрлих и Кремер, обычно, в обед приезжали на своем «опеле» домой. Так случилось и сегодня. Подъезжая к дому Полины Эрлих и Кремер увидели, что двое конвоиров ведут Полину и Екатерину к толпе собранных и охраняемых заложников, и мать и отец девушек умоляют конвоиров отпустить их. Один из конвоиров ударил Ивана Петровича прикладом в плечо и старик, вскрикнув, упал. Эрлих остановил машину. Унтер-офицеры выскочили из «опеля» и подошли к конвоирам.

– Стойте! – громко произнес Эрлих, обратившись к конвоиру-ефрейтору. – Что случилось, куда вы их ведете?

– Господин унтер-офицер, убит наш солдат, мы берем заложников! – резко ответил конвоир и хотел толкнуть прикладом Полину.

– Где ваш командир? – спросил Кремер.

– В следующем дворе с нашими ребятами. – ответил ефрейтор. – Вы не имеете права нас останавливать, мы исполняем свой долг.

– Опустите оружие и подождите... – сказал Эрлих. – Отто, найди и позови сюда их командира.

Девушки немного успокоились, видя помощь со стороны унтер-офицеров.

Вскоре Кремер и унтер-штурмфюрер СС, командир конвойных, подошли к Эрлиху.

– Господин унтер-офицер, на каком основании вы препятствуете проведению акции? – спросил рыжеволосый унтер-штурмфюрер.

– Эти девушки работают в офицерском ресторане вокзала, они специально нами проверены и не могут быть заложниками. Если я сейчас позвоню гаупт-штурмфюреру дорожной полиции господину Нойману, вы будете иметь массу неприятностей! – пригрозил Эрлих и закурил.

– В таком случае, мы возьмем в залог их родителей! – нагло заявил «рыжеволосый».

-- И этого вы не сделайте... – спокойно сказал Эрлих. – В этих семьях мы живем и пользуемся уважением. Отпустите их и ловите партизан там, где они прячутся. До свидания, ребята, приходите ко мне на склад № 1, там поговорим..! – улыбнувшись, сказал Эрлих и подмигнул девушкам.

Унтер-штурмфюрер понял, что эти унтер-офицеры связаны с их начальством и увел своих подчиненных в другие дворы.

Из толпы заложников посыпались проклятия и разная брань в адрес немцев и освобожденных женщин. Оставшиеся в живых родственники обреченных возненавидели Пименовых и Андреевых. Девушки ежедневно чувствовали на себе их презрительный взгляд иногда слышали вдогонку «немецкая шлюха» или что-нибудь покрепче.

Наступил январь 1943 года. Советские войска перешли в контрнаступление на всех фронтах. Роковое поражение немцев под Сталинградом привело к перегруппировке тыловых войск в Ростове и Кремера, вместе со своим складом перевели в Таганрог. Эрлих начал задерживаться на дежурстве, чувствовалось, что , дела у него идут плохо. Наконец, ему стало одиноко и он перешел жить к Пименовым. Возвращаясь с дежурства, он ежедневно доставал бутылку коньяку или «кюммеля» садился за стол и, пригласив Ивана Петровича, выпивал. Он жаловался старику, что «аллее капут» и «дас криг зер шлехт». Иван Петрович ему отвечал по-русски:

– Черти тебя принесли в Россию..! Сидел бы дома со своей фрау и киндерами, да водку жрал в свое удовольствие, может быть, и остался живым!

– Я, я..! Иван... Их трынке шнапс..! – соглашался Эрлих и слезы текли из пьяных глаз.

Как-то, в первых числах февраля 1943 года Эрлих приехал на своем «опеле» и привез несколько ящиков консерв, шоколада и тюк ситцевого материала. Затем подозвал Екатерину и сказал, чтобы все это она спря-

тала и, когда он уедет из Ростова, то все это использует по своему усмотрению.

Иван Петрович испугался и решил половину отдать Полине, так будет безопасней, если немцы затеют облаву. Остальное, Екатерина и отец, закопали в старом курнике. Наступил день, 10 февраля, когда в Ростове начались уличные бои подразделения Гукаса Мадояна с отступающими немцами в районе вокзала и Ленгородка. Эрлих пришел к Пименовым попрощаться, он был вооружен «шмайсером» и на боку висел пистолет. Только он открыл калитку, как где-то грянул выстрел в спину и он, застонав, упал у ворот. Иван Петрович посмотрел в окно и увидел Эрлиха, лежащего на снегу.

– Катерина, Вальтера убили! Чего делать будем? Прибегут немцы и нас перестреляют! – взволновано произнес отец.

– Папа, пойдем посмотрим, может, еще жив! – поспешно одеваясь, сказала Екатерина.

– А если жив, то куды же его девать?

– В подвале спрячем и вылечим, а потом он в плен к нашим сдастся...

– А если нас за него у тюрьму посадят?

Отец и дочь вышли на улицу. Эрлих, широко разбросив руки, лежал с открытыми остекленевшими глазами – он был мертв.

Екатерина схватив за ноги, а отец – за руки, затащили труп Эрлиха во двор.

– Катерина, давай его закопаем в бомбовой воронке, возле разбитого сарая! – предложил, волнуясь, Иван Петрович.

– Да как же так закопаем..? – плача, спросила Екатерина. – Все же человеком был... Может, гроб сколотим из старых досок, папа?

– Какой там гроб? Немцы кинуться его искать и нас расстреляют! Давай тащи его к воронке! – схватив за ноги, произнес Иван Петрович.

Екатерина, роняя слезы, помогла отцу дотащить труп Эрлиха во всем обмундировании и с оружием до края воронки. Иван Петрович принес старый брезент,

ранее подаренный ему Эрлихом, и завернули в него труп. Слегка толкнув ногой, труп покатился на дно воронки. Почти два часа Пименовы закапывали и забрасывали воронку ржавым железом, досками и всяким тряпьем. Никто из соседей не видел этих похорон.

В ночь с 13 на 14 февраля 1943 года Ростов был полностью освобожден от немцев, и ликующая публика вышла на улицы. Только Екатерина и Иван Петрович не выходили на улицу, чтобы не слышать упреков со стороны соседей. Когда Полина зашла к Пименовым и поздравила их с освобождением Ростова, то ее удивила настороженность во взгляде соседей, особенно, у Ивана Петровича. Полина прошла в комнату и спросила:

– Чей-то с вами..? Люди радуются – пришли наши, Ростов снова советский, а вы сидите дома, словно, кроты? Что случилось...?

– Папа, выйди – мне поговорить с Полиной надо... – сказала серьезным тоном Екатерина и встала со стула.

– Ну, ежели надо, то я пойду... – нехотя ответил Иван Петрович и, одевшись, вышел во двор.

– Так вот, Поля, я тебе сообщу, почему мне нерадостно..! – подойдя к окну и дрожащим голосом начала Екатерина.

– Если доверяешь мне, как подруге, то рассказывай.., а если нет, то ...

– Утром, десятого февраля, у нашей калитки кто-то убил Эрлиха... Я еще не знаю, видели это соседи или нет... Мы с отцом похоронили его во дворе, в бомбовой воронке! Похоронили, как собаку, без гроба, без ничего..! Ты же знаешь, что он мне... – не договорила Екатерина и зарыдала.

– Успокойся, родная моя... – подойдя к подруге, сказала Полина. – Я знала, что ты его любишь, но война принесла его к тебе и война погубила... Кроме того, он был женат, Катя, и кто знает, остался бы с тобой или ушел. Я его тоже уважала, как человека, но он враг нам и нашему народу... Успокойся и забудь обо всем, что было...

Екатерина промокнула платочком слезы, выпила из стакана воды и села на стул.

– Полина, прошу тебя никому об этом не рассказывай... Ты же знаешь наших соседей... Дай-то Бог, чтобы никто из них об этом не узнал...

Прошли годы, Екатерина похоронила отца и осталась совсем одна. С Полиной они дружили и работали вместе в том же вокзальном ресторане. Вскоре Полина вышла замуж, а Екатерина осталась одинокой, если не считать племянника Павла, который остановился у тетки на период сдачи экзаменов в Ростовское ракетное училище. В училище он поступил и, когда получал увольнение в город, заходил к ней.

Каждый год, десятого февраля, подруги, тайно и вдвоем ставили на стол бутылку водки, поминали Вальтера Эрлиха.

На могиле, где лежал Эрлих, Екатерина соорудила клумбу с цветами и бережно ухаживала за ними целое лето до самой осени.

Павел закончил с отличием училище, женился, долгое время служил на дальних гарнизонах, а с 1981 года его перевели в западную группу войск, дислоцированную в ГДР. Некоторое время семья Павла – жена Валентина и сын Виктор тоже находились в военном городке Браунау.

Павел получил письмо от Екатерины, где она сообщала племяннику о своем плохом здоровье и просила, чтобы Валентина с сыном приехали в Ростов. В конце 1984 года Валентина с сыном приехали к Екатерине Ивановне, застав ее в тяжелом состоянии. Вызвали скорую помощь, но дни ее были сочтены, раковая опухоль сковала ее. В ночь, с двенадцатого на 13 января, Екатерине Ивановне приснился сон и она в последний раз произнесла:

– Вальтер.., Вальтер.., я ... иду.., к тебе...

Через несколько минут она скончалась.

Так Валентина и не поняла, кого покойница назвала. Через день Екатерину Ивановну похоронили на го-

родском кладбище, а Валентина с сыном осталась жить в ее доме, продолжая ухаживать за цветочной клумбой. Полина Ивановна Андреева иногда приходила к Валентине, как соседка, и помогала ей по хозяйству, но тайну подруги не выдала. В конце 1991 года вышел в отставку Павел и, приехав в Ростов, решил перестроить дом и привести в порядок двор. Предстояло выкопать траншею под пристроенную часть дома, и Павел нанял машиниста Федора с экскаватором. Начались земляные работы. Заканчивая рытье траншеи, ковш экскаватора зацепился за парусину, и на дно траншеи посыпались останки человеческого скелета истлевший солдатский ремень с кобурой, нечто похожее на автомат, сапоги и клочья обмундирования. Федор испугался и опустил ковш. Выпрыгнув из кабины, он направился к Павлу и рассказал о находке.

– Да, Федя, это останки солдата... – задумчиво произнес Павел и опустил на дно траншеи. – Ну-ка дай мне лопату...

Федор передал Павлу лопату, и тот аккуратно начал обкапывать место захоронения. Среди черепа и костей Павел нашел металлическую пряжку ремня с облупившейся краской темно-зеленого цвета с орлом и свастикой, а по кругу дубового венка было начертано: «Гот митунс» (Бог с нами).

– Да, Федя, ты откопал немецкого солдата... Но как мог этот немец попасть к тетке во двор? А это, наверное, пистолет... – сказал Павел, взяв в руки истлевшую кобуру.

Раскрыв без особого труда клапан кобуры, Павел достал заржавленный «парабеллум» с обоймой патронов. Затем, он поднял автомат, немного почистил его от налипшей земли и положил рядом с пистолетом.

– Павел Николаевич, может, пистолетик отдадите мне? – виновато улыбувшись, спросил Федор. – Нашел-то я..!

– Нет, парень, и пистолетик, и автоматик никто не возьмет! Все это положено сдать в милицию или военкомат...

– Знал бы, что не отдадите, то сам и спрятал..., хрен бы кто узнал! – закурив, с обидой произнес Федор.

Подошла Валентина и увидела, как муж ковыряет палкой среди костей.

– Паша, что ты делаешь? Откуда скелет?

– Подожди, жена, сейчас я кое-что найду и станет ясно, кто это... А вот и цепочка с жетоном..! – радостно произнес Павел, очищая солдатский жетон от земли.

– Чей это скелет, Паша? – с ужасом спросила Валентина.

– Немецкого солдата или офицера... – ответил Павел. – Валя, пойди в военкомат и сообщи об этом, а мы с Федей подождем здесь.

– Может быть, сам сходишь? – возразила жена.

– Делай, что говорят! – строго произнес Павел и продолжил раскопки. Через час у ворот остановился «уазик» и во двор вошел молодой лейтенант.

– Здравия желаю, товарищи! Так какого вы немца нашли?

– Да вот, смотрите, лейтенант, все перед вами... – поднявшись из траншеи, сказал Павел. – Может, понятых вызовем?

– Да, пожалуй... – сказал лейтенант, доставая из папки бланки актов. Валентина позвала Полину Ивановну и соседку через улицу – некую Никитину.

Когда Полина Ивановна и Никитина вошли во двор и увидели то, чему они должны быть свидетелями, волнение охватило женщин, особенно, Полину Ивановну. На ее глазах навернулись слезы, она отошла в сторону и вытерла платком так, чтобы никто этого не заметил. Лейтенант составил акты, предложил всем расписаться, забрал оружие, жетон и направился к «уазик».

– Товарищ лейтенант, а что делать с останками немецкого солдата? – спросил Павел.

– Их положено похоронить, обозначить чем-то, как это подобает воину...

– У меня, на этот счет, указаний от начальства не было, – ответил равнодушно лейтенант. – Соберите кости в мешок, да и в мусоровоз... какие там почести врагу!

– Немцы в Германии останки павших солдат в мусоровозы не выбрасывали...– закуривая, сказал Павел. -- По сей день ухаживают за могилами наших воинов. Кроме этого, признав себя виновными, выделили деньги на строительство военного городка на Военведе. Может, пора и помириться...(?)

– Мы их освободили от фашизма, пусть они и занимаются этим!.. – ответил лейтенант и вышел со двора.

Полина Ивановна дождалась, когда посторонние разошлись, подошла к Павлу и Валентине и сказала:

– Вы, милые мои, не обращайтесь внимания на слова молодого офицера. Соберите останки унтер-офицера Вальтера Эрлиха и похороните рядом с Катериной. Знайте, ваша тетка не успела выйти замуж перед войной, полюбила этого немца, убитого у ее ворот, и похоронила его во дворе. Может быть, из-за этой могилы и осталась она в одиночестве...

– Спасибо, Полина Ивановна, за добрый совет. Мы так и сделаем... –сказал Павел и проводил соседку.

Павший вражеский солдат – уже не враг и его прах положено придать земле, как завещано предками.

Верблюды Омар спас мне жизнь

(из дневника оберлейтенанта
абвера Бруно Брайтлинга)

Прошло 60 лет после поражения итало-германских войск в Северной Африке во время Второй мировой войны. Казалось, чего здесь особенного, боевые действия проходили не на нашей земле, армию фельдмаршала Роммеля разгромили британские войска генерала Монтгомери. Для обывателя, может быть, эта война ушла в историю, но для меня, изучающего архивы своих предков, представляет некоторый интерес судьба тех людей, которые когда-то помогали моему деду. Радиостанция «Немецкая волна» сообщила о том, что некий бюргер из Баварии имеет верблюжью ферму и зовут его Отто Брайтлинг. На ферме проводятся интересные опыты, полезные для здоровья человека, и дают большую прибыль бюргеру. Просматривая записи деда, сделанные еще в 1921 году, я прочитал: «...Вчера заключил контракт, с военнопленным I, немцем-ветврачом Бруно Брайтлингом, родом из Баварии, надеюсь, что он нам пригодится на конеферме в Зимовниках...».

А двадцать лет спустя мне бабушка рассказывала об этом немце, который работал с дедом на конеферме по селекции степной породы скакунов до 1924 года. Закончился в Советской России НЭП, дед остался без конезавода и другого имущества, а ветврач Брайтлинг уехал в Германию. Как сложилась судьба Бруно Брайтлинга, я узнал недавно, когда побывал в Нижней Баварии, местечке Лойберсдорф.

Ферма «Верблюдов Брайтлинга» находилась в живописном месте у подножия Баварских Альп, бюргерский дом утопал в саду фруктовых деревьев, а недалеко от сада был огороженный вольер с длинным высоким сараем и пристроенной белокаменной лабораторией. В загоне важно шествовали верблюды: одногорбые и

двугорбые. Примерно, их было двадцать. Хозяин фермы Отто Брайтлинг-младший оказался гостеприимным человеком и, узнав о том, что я родом из Ростовской области, предался воспоминаниям об отце. Он рассказал даже такую историю, которая приключилась с его отцом (и моим дедом) по дороге в Зимовники, когда на них напали местные бандиты, ограбили, связали и бросили в степи. Только через двое суток их нашли мимо проезжающие калмыки и привезли на конезавод. Об этом случае моя бабушка не знала, дед не любил, когда его жалели...

После ужина Брайтлинг-младший показал семейный музей и все патенты отца по селекции животноводства. Отто и сам вел большую работу с верблюдами, изучая их выносливость в условиях голода и жажды. Кроме этого, шерсть и мясо верблюда играют особую роль в жизни человека, попавшего в беду. Меня, естественно, интересовала судьба отца, и Отто передал мне дневники Бруно Брайтлинга, которые он вел с июля 1940 года. Осматривая экспонаты семейного музея Брайтлингов, я обратил внимание на портрет бедуина с верблюдом. Я спросил у хозяина, кто изображен на портрете. Отто улыбнулся, и покачав головой, ответил:

– Это мой отец, а рядом – его спаситель – самец Омар...

– Об этом в дневниках написано? – спросил я.

– Да, господин Чагаеф, написано. Но если вы в чем-то не разберетесь, я вам расскажу... Правда, отец мне завещал никому не показывать его дневники, поскольку боялся агентов абвера... Сейчас – это можно, время прошло, диктаторских режимов нет в Германии и России. Не так ли?

Просмотрев пожелтевшие от времени тетради-дневники, я обнаружил очень много пробелов, особенно, с октября по декабрь 1942 года. Этот период совпадает с ожесточенными боями в Северной Африке, когда генерал Монтгомери нанес сильное поражение фельдмаршалу Роммелю под Эль-Аламейном. Начну свое пове-

ствование с 1924 года, когда лейтенант ветеринарной службы рейхсвера вернулся в Германию. Тогда ему было 27 лет. Почти четыре года он прожил на случайных заработках, поскольку в Германии начался политический и экономический кризис. Пришлось ему ездить по деревням и по заказу бургеров. Наконец, он собрал немного денег и вернулся в Баварию. В родном селе Лойберсдорф его ждала мать, отец умер в 1919 году, когда Бруно находился в русском плену недалеко от Ростова. После освобождения из плена многие солдаты и офицеры германской армии изъявляли желание поработать в хозяйствах состоятельных россиян, особенно там, где нужно было налаживать сельхозтехнику и ветеринарную службу. К моему деду Чабанову Шагину Емельяновичу (по матери), известному конезаводчику и овцеводу по Азово-Черноморскому краю, Бруно Брайтлинг пошел с большим удовольствием. Известно, чем закончился этот контракт...

В конце января 1933 года рейсхканцлером Германии стал Адольф Гитлер. Начали осуществляться обещания национал-социалистов путем милитаризации страны и экономики. На место кавалерии пришла бронетехника, научные зооветеринарные учреждения занялись не селекцией в животноводстве, а испытанием отравляющих веществ на живом организме с целью применения на фронте. Бруно Брайтлинга пригласили в Берлин и предложили лабораторию «стратегического назначения». К этому времени он уже был женат, и у него родился сын Отто, нужно было работать и кормить семью. В 1936 году все научные исследования лаборатории контролировались абвером (разведкой) адмирала Канариса, и сотрудники стали полностью подчиняться IV отделу. Кроме того, был разработан план «спецкомандировок» на Ближний Восток и в Африку, где предусматривалось «изучение экзотических животных для доставки их в зоопарки Германии». А на самом деле расширялась агентурная сеть, и вербовались новые шпионы в протекторатах Франции и Великоб-

ритании. Резидентура в Турции возглавлялась пресловутым фон Папенем, который консультировал Бруно Брайтлинга, откуда он направился в марте 1939 года в Египет на совещание коневодов арабских скакунов. Здесь Брайтлинг знакомится с образованным арабским офицером Гамаль Абдель Насером, отличным жокеем и любителем коней. Этот симпатичный и рослый египтянин очень заинтересовал Брайтлинга своими «социалистическими» взглядами и неприятием британского присутствия в Африке и на Ближнем Востоке. Вскоре стало известно, Насер возглавил организацию национал-социалистического толка «Свободные офицеры». Он с большой симпатией отнесся к национал-социалистическим преобразованиям в Германии и считал, что арабские страны должны идти таким же путем для освобождения от экспансии британского и французского империализма. Абверу было легко вербовать новых агентов в арабском мире. В конце 1941 года в Северной Африке сложилась критическая обстановка для войск Роммеля. Ливийский порт Тобрук, через который снабжался итало-германский корпус Роммеля, был захвачен англичанами. Хотя Муссолини и обещал Гитлеру в помощи войсками, однако, все конвои с горючим и боеприпасами были потоплены в Средиземном море. На выручку Роммелю пришел Канарис. На территории Египта и Алжира было создано несколько диверсионных групп из бывших офицеров-колонистов и арабов-бедуинов. В задачу этих групп входило уничтожение британских складов с боеприпасами и боевой техники. Оберлейтенант Бруно Брайтлинг, получив инструкции и большую сумму английских стерлингов, был направлен в штаб фельдмаршала Роммеля. На оперативном совещании было решено создать диверсионную группу из итальянцев и бедуинов, переодетых в бурнусы. Шейхи племен были подкуплены и содействовали проведению операции в районе Эль-Аламейна. Было известно, британская 8-я армия генерала Монтгомери состояла из австралийцев, индусов, новозеландцев и южно-африканцев.

Все склады и парки техники охранялись солдатами из разных колоний, которые с уважением относились к местным кочевникам-бедуинам. На этом и сыграл Бруно Брайтлинг, возглавивший свою диверсионную группу при первом взрыве склада со снарядами и минами на подступах к Тобруку. Охрана из четырех индусов была обезврежена. Причем, после совершения диверсионного акта, бедуины возвратились в свои стойбища в оазисах, а военнослужащие -- в прифронтовые подразделения немцев и итальянцев. Так продолжалось примерно три месяца. Англичане не ожидали такого урона от диверсионных групп, и Монтгомери был вынужден создавать истребительные отряды из египтян, некоторые были наняты для этих целей.

Началась охота на бедуинов. Это вызвало возмущение у шейхов и месть со стороны семейных кланов. Англичане, в конце концов, отказались от этой затеи и усилили патрульную службу в своих тылах. В конце октября 1942 года англичане нанесли решающий удар по линии обороны Африканского корпуса Роммеля у Тель-эль-Мамсра, и уничтожили 90-ю пехотную дивизию немцев. В этом бою попал в плен генерал фон Тома с секретными документами дислокации немецких и итальянских войск. Бруно Брайтлинг и офицер итальянской разведки Маньецци чудом спаслись от плена, они скрылись в стойбище бедуинов, у знакомого шейха Моамара Аяхса. Долго они там оставаться не могли, и поэтому шейх снарядил караван из 4-х верблюдов, на которых сели два бедуина-проводника, а на остальных навесили корзины со «скарбом», где и спрятались вооруженные беглецы. Почти всю ночь караван шел на северо-восток, в сторону египетской границы. На рассвете караван остановил британский патруль. Один из патрульных спросил по-арабски у бедуинов, куда они едут и что везут. Брайтлинг и Маньецци, сидя в укрытиях на верблюдах, приготовились к бою. Бедуины что-то долго объясняли патрульным, до проверки «скарба» не дошло. Караван продолжил свой путь.

Патрульный джип скрылся в пустыне. Наконец, бедуины решили сделать привал у высокого бархана. Брайтлинг и Маньецци вылезли из своего укрытия и легли отдохнуть на песок. Неожиданно над пустыней послышался рокот мотора. Это был разведывательный биплан британской авиации. Самолет снизился и начал кружить над путниками. Брайтлинг и Маньецци были одеты, как бедуины, в бурнусы. Однако, это еще не значило, что пилоты-разведчики не радируют патрульной службе о расположении четырех бедуинов в зоне границы. Как только скрылся самолет в западном направлении, караван двинулся в путь. До египетской границы оставалось менее двадцати километров. Неожиданно подул юго-восточный ветер и начался самум — песчаная буря. Дальше идти было бессмысленно, нужно было переждать, пока прекратится буря. Путники осадили верблюдов и залегли рядом с животными. Почти два часа длилась песчаная буря, но постепенно начала стихать. Брайтлинг неожиданно услышал надрывной гул мотора автомобиля, пробирающегося через барханы в их сторону. Вскоре в песчаном тумане появился силуэт патрульного джипа, который их ранее останавливал. Машина приблизилась к путникам на расстоянии десяти метров и остановилась. Верблюды с важным видом повернули головы в сторону джипа, но подниматься не стали. Бедуины сорвались со своих мест без оружия, что-то крича, перебежали к патрульным. Брайтлинг и Маньецци поняли, бедуины их предали. Маньецци не выдержал, и поднявшись во весь рост, открыл огонь из автомата по бедуинам и патрульным. Брайтлинг тоже открыл огонь, но с лежачего положения. Один из патрульных успел сразить Маньецци из автомата и спрятался за джипом. Остальные погибли. Брайтлинг, не долго думая, пустил очередь из автомата по бензобаку джипа, и машина с оглушительным взрывом загорелась. Англичанин, объятый пламенем, с диким воплем начал барахтаться в песке, но пламя не сшибалось. Брайтлинг впервые в жизни растерялся

и не знал, как ему поступить: спасти человека или добить. Верблюды разбежались. Тогда оберлейтенант, сжав автомат в руке, подбежал к горевшему солдату, сорвал с себя матерчатый бурнус и начал накрывать пострадавшего. Пламя на одежде патрульного погасло, но он от боли и страха продолжал кричать и барахтаться. Брайтлинг не знал, как ему поступать дальше и опустил автомат. Сзади раздался выстрел. Он почувствовал жгучую боль в мягкой части бедра.

Вскинув автомат, он пустил очередь по стрелявшему в него раненому англичанину. Находясь в агонии самосохранения, Брайтлинг расстрелял и обожженного англичанина. В своем дневнике, позже, он написал о своем неблагородном поступке, и просил Бога простить ему этот грех...

Наконец, когда Брайтлинг убедился, что все мертвы, он почувствовал в сапоге кровь, и боль в мышце бедра. Аптечка и бинты были на верблюдах. Брайтлинг увидел метрах в ста от горевшей машины верблюда, на котором висел его «скарб». Недолго думая, он медленно побрел к стоявшему животному. С трудом преодолевая боль в ноге, он подошел к верблюду и осадил его на песок. Подойдя к горбу, где был привешен «скарб», Брайтлинг заметил кровавое пятно на шерсти животного. Верблюд был ранен шальной пулей англичан. Открыв санитарный пакет, он достал бинт с тампоном и ампулу с йодом, и решил сделать вначале перевязку себе, а потом обработать рану верблюда. Когда Брайтлинг снял брюки, он обнаружил на мышце бедра кровоточащую рану, пуля прошла навывлет. Противостолбнячной инъекции он сделать не мог, не было шприца, а рану пришлось обработать йодом и забинтовать. Самое главное, о чем думал сейчас Брайтлинг, как помочь животному, поскольку пуля застряла в слое горбового жира, который очень быстро окисляется и может привести к гибели верблюда. Достав из сумки острый нож, оберлейтенант выстриг шерсть вокруг

раны и обнаружил пулевое отверстие в ткани горба. Верблюд словно чувствовал, что человек хочет принести ему облегчение, и часто похрипывая, поворачивал свою печальную морду с большущими глазами в сторону ветврача. Извлечь пулю не удастся, а вот в рану необходимо затолкать что-то обеззараживающее... По опыту, Брайтлинг знал, что животные не переносят йод, он их доводит до бешенства и возбуждения, поэтому можно залить рану только верблюжьей мочой или древесным пеплом. Того и другого сейчас не было. Брайтлинг рискнул – помочился сам и вставил смоченный тампон в рану. Животное вздрогнуло от боли и дважды проревело, однако, не встало с места и не ошалело. Только к вечеру удалось Брайтлингу успокоить верблюда, подкормить немного овсом и влезть в корзину. Бруно достал из офицерской сумки компас и карту, сориентировался по времени и тронулся в путь. Автомата у погибших товарищей он не стал брать, а пистолет «вальтер» у него был в кобуре на поясе. Почти всю ночь он не спал, а верблюд шел по пустыне на северо-восток. Брайтлинга настолько укачало, что он потерял сознание. Неизвестно, сколько времени он скитался по Ливийской пустыне, но привели его в сознание бедуины, к которым привез его верблюд. Арабы уже знали, кто волею судьбы попал к ним в оазис, Шейх стойбища неоднократно получал деньги от резидента абвера и подбирал подходящих «джинов» для диверсионных рейдов. Поэтому хаким (врач) был желанным человеком для бедуинов. Вскоре Брайтлинг окреп и вылечил своего любимца-верблюда по кличке Омар. Бедуины – кочевой народ, и Брайтлинг тоже кочевал с ними от одного до следующего оазиса, иногда пересекая территорию Египта или Алжира. Бруно Брайтлинг с помощью бедуинов раздобыл себе небольшую радиостанцию и узнал о том, что закончилась война разгромом Германии, и готовится Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками. Он также понимал, что его служба в абвере не сойдет ему

с рук... Поэтому Брайтлинг решил «без вести пропасть», по крайней мере, на несколько лет и затеряться в арабском мире, где его «понимают». За время проживания среди бедуинов Брайтлинг научился довольно сносно говорить по-арабски, знал обычаи бедуинов, лечил животных и людей. Шейх Аббас предложил ему принять ислам и жениться на самой красивой женщине, но Брайтлинг отказался. В 1949 году, поднакопив денег, приезжает в Александрию к своему давнему другу Мустафе Аль-Саллеху, с которым когда-то закончил зооветеринарный факультет при университете Гумбольда в Берлине. Профессор Аль-Саллех возглавлял лабораторию по селекции домашних животных в северо-восточном регионе Африки. О чем они говорили, я не знаю, но Бруно Брайтлинг поселился у своего друга, и они вместе начали заниматься научной работой. Вскоре, по просьбе гостя, в Александрию доставили самца-верблюда Омара, о котором Брайтлинг особо заботился, и создал гипофиз для стимуляции осеменения и размножения. Омар был уже в возрасте, и не каждая самка могла его предпочесть. Брайтлинг сделал Омару инъекцию, и подготовил двух молодых самок. В определенный срок появились симпатичные верблюжата. В 1952 году в Египте произошел государственный переворот под руководством Гамаль Абдель Насера, идеи и взгляды которого были известны Брайтлингу. Новый президент устроил в Каире банкет и пригласил по торжественному случаю политических деятелей и ученых. Аль-Саллех пришел на банкет со своим другом Брайтлингом. Президент был рад встрече со «специалистом по коневодству» и предложил Брайтлингу стать «главным коневодом президента», но Брайтлинг вежливо отказался, у него были далеко идущие планы по научной работе в условиях Германии. В конце 1953 года Брайтлинг обратился в посольство ФРГ в Египте с прошением о возвращении на Родину. После тщательной проверки личности «служащего абвера» он получил разрешение, но представитель

службы Гелена не преминул ему предложить «снова заняться селекцией на Ближнем Востоке». Брайтлинг категорически отказался. Через месяц в порт Александрию прибыло германское судно за экзотическими животными Африки для зоопарков страны. Брайтлинг воспользовался случаем и погрузил на судно своих питомцев: престарелого Омара, двух самок и приплод. Вернувшись в Германию, он перевез своих питомцев в Лойберсдорф и там организовал первую в стране верблюжью ферму. Отец и сын долгие годы занимались научно-исследовательскими работами на своей ферме и хорошо преуспевали. Омар умер от старости в 1960 году, а Бруно Брайтлинг – в 1990-м.

Тирольский чабан Ваха Асланбек из Джалги

Очерк-интервью

Путешествуя по альпийским дорогам Тироля от небольшого озера Планзее – на западе и до небольшого горного селения Эльмау – на востоке, я заинтересовался этническим составом населения, проживающего на горных террасах и ущельях. Эти люди считают себя горными немцами или потомками древних кельтов, поселившихся ещё за тысячу лет до Рождества Христова. На склонах этих гор побывало много завоевателей, начиная от римлян Цицерона до бесшабашных воинов Наполеона Бонапарта. Все они пытались покарить гордый и трудолюбивый народ, но горцы сопротивлялись и, в конце концов, изгоняли врагов со своих земель.

Почти во всех сёлах Тироля, где я побывал, имеются католические или лютеранские храмы и часовни. Встречаясь с пастырем, я интересовался национальным составом прихожан, особенно, из числа иностранцев из России. Должен признаться, не каждый пасырь общал мне об этом, поскольку этика не позволяет делить прихожан на «своих» и «чужих».

Однако, мне повезло. В храме святого Патрика, что находится в горном селе Эльмау, священник рассказал мне об уважаемом всеми чабане господине Вахе Асланбеке, которому уже 82 года. Имея опыт «неприятия» в знакомстве с бывшими земляками, я попросил пастыря помочь мне.

Встреча состоялась в «горном доме» Асланбека. На вид – это был довольно добродушный пожилой человек с седой бородой и немного озорными глазами. Он сидел возле загона овец и кормил с рук своего козла – вожака, что-то приговаривая. Рядом с ним лежали два огромных пса породы сенбернар. Священник объяснил

Вахе цель моего визита по-немецки, а тот посмотрел на меня с улыбкой и спросил:

– Господин репортёр интересуется овцеводством или он агент НКВД из России?

– Нет господин Асланбек, я журналист и пишу о судьбе людей Северного Кавказа, которые «волею судьбы» оказались за рубежом, – ответил я.

– В таком случае я отвечу на ваши вопросы. По русски я не говорю, да и свой вайнахский язык давно позабыл.

– Господин Асланбек, где Вы родились, где жили и как попали в Тироль?

– Родился в селе Джалга Чеченсой республики Кавказа 1924 году. Отец мой Руслан Асланбеков был очень известным среди вайнахов человеком и не признал советскую власть «шайтанов». Наша семья очень долго скрывалась в горах у Баксанского ущелья, а позже к нам присоединились наши родственники и друзья отца по тейпу. По нашим следам шли работники НКВД, но в горах они не смогли нас поймать.

Так мы дожили до сентября 1942 года, когда германская дивизия «Эдельвейс» подошла к главному кавказскому хребту. Отец оставил свою семью: мою мать, меня и двоих сестёр у чабанов-балкарцев, а сам со своими друзьями стал проводником у немцев. Среди наших горцев было много терских казаков, которые тоже были врагами советской власти.

Мне в 1942 году было уже 18 лет, и отец однажды ночью приехал к нам и забрал меня с собой. Он сказал тогда моей матери: «Фатима, Вахид уже взрослый джигит и ему пора воевать рядом со мной». Мать со слезами отговаривала его, просила оставить меня, как единственного мужчину в семье, но отец был неумолим.

Ну, а позже, в январе 1943 года, когда немцы начали отступать с Кубани, мой отец со своими товарищами погиб. Я же с горцами и казаками, в немецком обозе, отступил через Ростов до Таганрога. Многое пришлось мне пережить, был дважды ранен, но выжил.

В апреле 1945 г. я и двое моих товарищей-немцев были уже в Баварии и там же попали в плен к американцам. Однажды ночью мы бежали из лагеря военнопленных. Мы добрались до предгорий баварских Альп и, обходя посты военной полиции американцев, вышли к перевалам. Почти три недели мы шли горными тропами, скудно питаясь прошлогодними ягодами и корнями. Мои товарищи Курт и Бруно были тирольцами и хорошо ориентировались в этих горах.

Наконец, мы добрались до озера Хинтрштайнзее, где жил их знакомый лесничий. Они решили меня на день – два оставить у лесника, а сами отправились на разведку к своим родственникам. Через двое суток они вернулись и взяли меня с собой.

Война закончилась. Местная власть выдала нам новые документы вместо «утраченных». Так я и стал жителем деревни Эльмау по фамилии Ваха Асланбек, по вероисповеданию – лютеранин, а по профессии – чабан.

– Господин Асланбек, вы, вероятно, в детстве были мусульманином?

– Да, я был мусульманином... Однако, Бог един для всех народов мира. И пророки тоже едины, но называются по-разному. И я счастлив тем, что стал христианином и обрёл новую родину!

Здесь же в Эльмау я женился на лютеранке Ханне, которая родила мне двух сыновей – Руслана и Ганса. Они живут и работают в Инсбруке. А я десять лет, как овдовел и живу со своим хозяйством. У меня имеется более полсотни овец и коз, которых я пасу со своими помощниками. Шерсть, молоко и мясо продаю разным фирмам. Так что живу спокойно и хорошо,

– Господин Асланбек, вы знаете, что в России уже нет советской власти, а Чечня, почему-то, стала гнездом терроризма. Как вы это расцениваете?

– Мне неприятно, что среди вайнахов появились террористы, люди, убивающие невинных детей и женщин. Такой нечисти среди вайнахов никогда не было. Мы воевали только против своих угнетателей.

– Ваха, чего бы вы пожелали сейчас своему народу в Чечне?

– Мира и спокойствия. Чечня небольшая республика и пусть она будет в составе большой России. Да, хранит нас всех Бог!

Я сфотографировал Ваху Асланбека и, поблагодарив за интервью, попрощавшись, уехал.

Тироль – Эльмау

Она мне понравилась, почему-то...

– Врагами народа, или изменниками Родины, люди не рождаются, а становятся... – задумчиво произнес Николай Николаевич Кривденко, показывая мне папку с надписью «Дело №12083/1944-9».

– А что здесь особенного, товарищ майор? – спросил я.

– Особенного-то ничего для простого карателя, но фотодокументы, приобщенные к делу, довольно противоречивы...

Меня поразила одна фотокопия, где каратель ведет свою жертву на расстрел. Вторая, чуть поменьше, – по которой его разыскивали по всей стране и в 1944 году случайно арестовали в Пскове. Третья, где изображена женщина с детьми, вообще стала загадкой для меня. Я, как помощник «опера», не стал читать дело заключенного, а попросил Николая Николаевича рассказать о последней беседе с заключенным №12083 в декабре 1955 года.

– Вызвал я заключенного к себе, показал фотокопию и спрашиваю: «Узнаете себя на снимке, гражданин Костенко?».

– Надоело, гражданин начальник, смотреть на эту злополучную фотографию, сделанную оператором «Вохепау» в сентябре 1942 года на территории Эстонии! Она стала для меня роковой! – признался заключенный со слезами на глазах.

– Вы, Костенко, понимаете, сейчас готовятся документы для амнистии, а эта фотокопия с обнаженной жертвой геноцида не смягчает обстоятельств вашей вины... Как вы могли допустить, чтобы попасть в кадр фотоаппарата?

– Мне было, гражданин начальник, не до оператора – нужно было спасти эту девушку! – с горечью ответил заключенный.

– Как спасти? – удивленно спросил я. – Вы же её ведете...

– Мне её удалось вывести в последний момент, когда мой товарищ Август . . Яска хотел ее расстрелять. Я сказал ему, что эта девушка мне понравилась и хочу ею «воспользоваться», а потом расстреляю... Август согласился и «уступил» ее мне.

– И вы, воспользовавшись ее положением, изнасиловали?

– Нет, гражданин начальник, я ее завел в лес, спросил, как ее зовут, назвал себя и отпустил... Правда, пришлось и выстрелить... в воздух, чтобы убедились в ее казни.

– А почему вы не позаботились о спасении остальных девушек, которых расстреляли?

– Не мог, гражданин начальник, меня поставили в оцепление, недалеко от рва, в который падали убитые.

– Костенко, вы можете рассказать поподробнее об этой жестокой акции, с чего она началась?

– Это было десятого сентября 1942 года. Мы получили сведения о том, что в деревне Кохтла-Ярви скрываются цыгане, бежавшие из Польши, во главе со своим «баро». Гауптштурмфюрер Франц Кург назвал эту операцию «цыганский барон» и приказал нам окружить эту деревню в четыре часа утра. Как потом выяснилось, мужчины– цыгане скрывались в лесу, а женщины и дети расселились по домам, которые и покинули местные жители. Когда мы приступили к облаве, женщины и дети попытались бежать в лес, но мы их поймали и загнали в большой сарай для скота. Плач и крики превратили эту акцию в сплошной кошмар. Некоторые из моих товарищей не выдержали и напились до омерзения. Когда детей и трех старух увезли к оврагу возле речки, наш командир взвода Карл Линнас, «похабный бабник», заставил женщин раздеться догола и танцевать под звуки аккордеона. Две женщины отказались танцевать, и он их расстрелял в сарае. Остальные подчинились воле «пана офицера».

– А как вы отнеслись к этому «зрелищу», понравилось? – ел сдерживаясь, спросил я у заключенного.

– Если бы они были русскими женщинами, может быть, и возмутился, но они же были цыганками... – опустив глаза, ответил Костенко.

– Кроме того, я думал, что после танцев Линнас их отпустит. Достав из папки семейную фотокарточку, я показал ее заключенному.

– Вы узнаете эту женщину с детьми?

Костенко внимательно посмотрел на фотокарточку, улыбнулся и ответил:

– Так это же Марыся Шаульская! Значит, она осталась жива и детей заимела... Она прислала вам письмо? – Да, Марыся Шаульская долго разыскивала вас и прислала письмо в Управление ГУЛАГа МВД СССР. Управление переслало письмо к нам в Воркутлаг..,-

– Ответил я заключенному и положил фотокарточку в папку. – А что она пишет в письме, гражданин начальник?

– Благодарит вас за свое спасение, о том, как попала к партизанам, воевала с немцами... После войны вернулась в 1942 в Краков и вышла замуж, имеет двоих сыновей... Старшего назвала вашим именем. О том, что вас осудили, она догадывается, и поэтому прислала письмо через Международный Красный крест, в МВД СССР.

– Гражданин начальник, а могу ли я написать ей письмо из лагеря в Польскую Народную Республику? – Нет, гражданин Костенко, не положено... Подождите до освобождения по амнистии, – ответил я и задал традиционный вопрос: – Куда вы поедете жить после освобождения?

– Если снимут «поражение в правах», то в Ростовскую область, в Миллерово, где жил до призыва в Красную Армию в 1941 году, – неуверенно ответил заключенный.

– Гражданин Костенко, скажите, вы раскаиваетесь в содеянном?

– А у меня, гражданин начальник, не было выбора... Ведь в плен я попал контуженый и раненный в ногу. Что мне оставалось делать? Двое моих земляков,

находясь в плену, выходили меня и уговорили служить немцам...

– А почему же многие наши военнопленные не стали служить у немцев?

– Строго спросил я у заключенного.

– Дьявол попутал меня, гражданин начальник, вспомнил я, как в тридцатом раскулачили нашу большую семью сослали в Сибирь, по дороге замерзли младшие братья и сестра, отца расстрелял НКВД. Чудом мне удалось бежать на Дон и долго скрываться в степях и буераках. Потом реабилитировали, пошел работать в колхоз, семьей не обзавелся...

– Значит, вы не раскаиваетесь?

– Снова спросил я.

– Раскаиваюсь, гражданин начальник, но что толку из этого? Загубленную молодость уже не вернешь, наказание я понес, хуже чем было, уже не станет!

– Тяжело вздохнув, ответил Костенко и рукавом бушлата утер слезы.

– Ладно, идите в свой барак, Костенко... Когда комиссия рассмотрит ваше дело, вас вызовут, – сказал я заключенному и положил папку в стол.

Эпилог

Прошло почти 55 лет с момента кровавой акции в Кохтла-Ярве, и мне недавно довелось побывать в Миллерово. Через адресный стол я узнал, где проживает Костенко (имени и отчества умышленно не называю). Я постучал в дверь частного дома, за воротами слышался кашель пожилого мужчины и голос:

– Чего там стучаться, когда калитка открыта...

Передо мной стоял сутулый старик на костылях, с потускневшими глазами и реденькой серой бородкой. Его лицо было обезображено глубоким шрамом на щеке. Я поздоровался со стариком и, улыбнувшись, спросил:

– Здесь проживает господин Костенко?

– Да, Костенко – это я, а вам, сударь, чего от меня нужно?

Я, осторожно и в деликатной форме, представился ему, но не успел договорить о причине моего визита, как услышал:

– Опять с этой чертовой фотографией пришел! Нет даже в старости от вас покоя, холера бы вас побрала!

– Вы извините меня, пожалуйста, я хотел бы написать очерк о вашей жизни и нелегкой судьбе очерк. Можно войти?

– Заходи, но мне нечего рассказывать, одной ногой я уже стою в могиле... НКВД подробно описал мою жизнь в «Деле»...

– Вы с Марысей Шаульской переписывались после освобождения?

– Значит, ты и об этом знаешь...

– Хриплым голосом сказал старик. – Переписывались. Муж ее умер в 1958 году. Она приезжала ко мне с сыновьями несколько раз. Приглашала в Краков.

– Ну, а как вам живется сейчас, когда нет Советской власти?

– Власти-то нет, а чиновники советские остались! – махнув рукой, ответил старик. – Эту «перестройку» и «демократию» надо было делать в 1945 году, когда закончилась война. Наши солдаты прошли всю Европу и увидели, как живут люди без социализма. Победенные государства стали жить лучше победителей! Разве это справедливо?

– А, может быть, в России было много «врагов народа»?

– «Врагов народа» придумали и сделали мы сами! – сердито произнес старик.

– Одним из них стал и я, а поэтому иди-ка ты с моего двора и больше не приходи!

– Я не вас имел в виду... – оправдывался я, но бесполезно.

Как видите, доброжелательного разговора со стариком Костенко не получилось... Прав он или нет, Бог ему судья.

И пошли они по сальским степям

– Абрам, я так устал, ноги уже подкашиваются, может, сядем и немного отдохнем? – остановившись и тяжело дыша, произнес Циперович.

– Мордке, потерпи немного... Видишь, стоит у дороги большое дерево? Доберемся и сядем под ним, – хриплым голосом ответил Абрам.

– Нет у меня сил дальше идти...

Медленно проговорил Мордухай и сел на траву.

Было уже десять часов, и солнце заметно припекало. Со вчерашнего дня у стариков маковой росинки во рту не было, а недалеко от дороги паслась рябая корова, которая изредка отгоняла хвостом назойливых мух. Абрам посмотрел на вымя коровы и понял, что она давно никем не доена.

– Мордке, может, подоим бедную корову, у нее скоро вымя лопнет?

– Во что? У нас нет даже кружки...

– печально произнес Циперович.

– Но есть, слава Богу, наша обувь! – оживленно и шутливо сказал Сойфер.

– Но она грязная и потная, как из нее можно пить? – возразил Циперович

– Мордухай, ты меня удивляешь! Твой ботинок на твоей ноге, твоя нога пахнет твоим потом, так в чем же дело? Пить молоко будешь?

– Хорошо! – согласился Циперович.

– Тогда начинай доить корову в свой туфель и выпей сам, как сделал бы на твоем месте пророк Моисей...

– А почему бы и нет? – пожимая плечами, сказал Сойфер и осторожно направился к корове.

Животное повернуло морду с печальными глазами в его сторону и глухо промычала. Сойфер подошел к ней, погладил шею, почесал за ухом и начал снимать с ноги ботинок. Затем он присел и подставил под вымя

обувь. Только старик взялся рукой за сосок, как неожиданно корова сгорбилась, согнула дугой хвост и начала спокойно мочиться.

– Мордке, как тебе это нравится? Не успел я ее приласкать, как получил изливание ответных чувств! Хорошо, я таки подожду...

– Абрам, хотя ты и не племенной бык, но все же мужчина! – улыбнувшись, пошутил Циперович и подошел к корове. – Может, она и меня полюбит?

Циперович сорвал щепотку травы и поднес к ноздрям коровы. Та понюхала и, захватив ее серым влажным языком, стала жевать. Тем временем Сойфер принялся неумело дергать за соски. Молоко струйками брызгало в разные стороны. Такая дойка пришлась корове не по нраву, и она несколько раз попыталась лягнуть незадачливого дояра задним копытом.

– Эй, ты Тевье-молочник, куда дергаешь соски? Нужно слегка подбивать соски вверх, потом сжимать и направлять в «туфель-подошник».

– Чем меня учить, взял бы сам и подоил! – сердито пробурчал Сойфер.

– Абрам, я не смогу присесть, болят колени... Делай, как говорю...

Наконец, Сойфер кое-как приноровился, надоил молока в свой ботинок и подставил под вымя обувку своего товарища. Циперович с отвращением смотрел на молоко, заполнявшее его правый ботинок. «О, зохен взй! – горько подумал он. – До какой жизни мы дошли, пьем молоко из грязной обуви! И это, наверное, не всё... Самое страшное – впереди!».

– Вот, пожалуйста, угощайся! – протянув Мордухаю ботинок с молоком, радостно произнес Сойфер.

– Абрам, может, вначале выпьешь ты? У-у меня что-то пропал аппетит...

– Как хочешь... – ответил Сойфер и пригубил свой ботинок со стороны задника. Без тени отвращения он выпил молоко.

– Вот и все! – с удовлетворением сказал старик и добавил: – Тот, кто завел в праздник пятидесятницы (религиозный обряд у евреев) по утрам употреблять молочную пищу, тот, поверь мне, был мудрецом...

– Эти слова принадлежат не тебе ... Их сказал Шолом Нохумович в рассказе «Тевье-молочник». Мой отец был лично знаком с этим писателем и очень огорчен его отъездом в Америку, – держа в руке ботинок с молоком, сказал Морду-жай своему товарищу.

– Мордке, ты почему не пьешь молоко, ждешь, когда оно прокиснет?

– Ты как хочешь, я пить молока из грязной обуви не стану! Я все же воспитывался не в сапожной мастерской, как ты... Извини, Абрам...

– Хорошо, Мордке, пусть я не так воспитан, как ты, но я уже утолил свою жажду, могу идти дальше... – улыбнувшись, сказал Сойфер.

– Нет, Абрам, я не смогу выпить это! – брезгливо произнес Циперович и выплеснул молоко. – Пойдем, я потерплю...

Солнце нещадно палило, и к полудню старики прошли по степной дороге еще несколько километров. Мордухай выбился из сил окончательно, он уже не мог идти, хотя и опирался на плечо Сойфера.

– Все, Абрам, я дальше не пойду... У меня болит сердце...

– Ну, что же нам теперь делать? Придется остановиться здесь в степи и отдохнуть до вечера. Мордке, ты приляг и поспи, а я пойду поищу целебную травку и корни для пропитания... Голову накрой пиджаком, Мордке, – сказал Сойфер и, сняв ботинки, босой пошел по степи. Его ноги касались травы, и старику было приятно от нежного покалывания ступней комочками земли. Сойфер вспомнил детство, когда он, бывало, целыми днями гулял в летнюю пору на лужайках полесья в западной Белоруссии, собирал съедобные корешки и побеги. Всему этому научила его мудрая и

суетливая бабушка Сара-Броха, которую он очень любил за её нежность и ласку. Боже мой, как это было давно! Вот ему попался подорожник и серебристая полынь, а дальше – цветы календулы и пастушьей сумки. Все это он собрал и положил в карман брюк. Затем увидел колючий бодяк с большими фиолетовыми шапками цветов, которые обладают целебным свойством при сердечном приступе. Но попробуй, не исколов пальцев, отделить коричневый «блин» основания цветка от шипов-колючек, но Абрам это хорошо умел делать. Возвращаясь, он углядел у обочины листья лопуха. Это его обрадовало. Если пожевать стебли лопуха, можно утолить жажду, и старик сорвал несколько роскошных листьев. Вскоре, он подошел к спящему товарищу и сел рядом с ним. Мордухай спал, слегка похрапывая. Сойфер достал перочинный ножик, расстелил пиджак и взялся за обработку собранных растений. Он думал быстро покончить с этим занятием и лечь спать.

Неожиданно Сойфер услышал гул машины. Он посмотрел в сторону горизонта, где сливалась степная дорога с холмом. Затем с трудом поднялся на ноги и, присмотревшись, заметил вдали большую грузовую машину, поднимавшую за собой шлейф пыли. Безусловно,

– Это была немецкая машина.

– Мордке, просыпайся! – произнес Сойфер. – Немцы едут, вставай!

– Что, где немцы? – спросонья спросил Циперович. – Что им нужно в степи?

– Слышишь, едет грузовик? Нужно где-то спрятаться! – помогая другу, предложил Сойфер. – Но где же мы скроемся в открытой степи? Боже мой!

– Поздно, Абрам, прятаться... Они нас уже заметили... Все бесполезно!

– Мордке, нужно спрятать документы! – волнуясь, предложил Сойфер.

– Абрам, проще всего спрятать их в ботинок! – дос-

тавая из кармана паспорт, предложил Циперович. – Прикрой меня, чтобы они не видели, как я нагибаюсь.

Огромный, темно-серый грузовик, остановился возле перепуганных стариков. Из кабины выскочил рыжеволосый лейтенант и что-то сказал лающим голосом сидящим в кузове солдатам. Четверо из них, с касками на голове и с автоматами, выпрыгнули из кузова машины. Офицер подозвал одного, в звании ефрейтора, и приказал ему проверить документы у стариков. Сойфер и Циперович понимали по-немецки, поскольку когда-то в молодости служили в австро-венгерской армии короля Франца-Иосифа.

– Абрам, отвечать и говорить будем по-русски, документов у нас нет... – тихо сказал Мордухай и попытался улыбнуться подходившему к ним ефрейтору.

– Вер ист зих? (кто вы такие) – спросил ефрейтор. – Партизанен?

Старики, волнуясь, молча смотрели на ефрейтора, будто не понимая вопроса.

– Шульц, достаньте разговорник и спросите у них документы! – приказал лейтенант. – Спросите у этих старых ослов, почему они оказались в степи и куда идут?

Ефрейтор достал из кармана френча немецко-русский разговорник и начал его листать. Найдя подходящий вопрос, он спросил, искажая слова:

– Господа, предиавитэ ваш докумен-тен! Ви мне понимайт?

– Нет у нас документов... – ответил Сойфер. – Потеряли при бомбежке...

– Господин лейтенант, они говорят, что потеряли документы и заблудились по пути в деревню, где они проживают, – доложил офицеру ефрейтор.

– Что-то я им не верю, Шульц, чтобы в пожилом возрасте, да еще в местах военных действий, разумный человек стал бы покидать свое жилище?! Обыщи-

те этих безумцев, да побыстрей, у нас мало времени приказал лейтенант.

Ефрейтор подозвал к себе одного из солдат, передал ему свой автомат, а сам взялся выворачивать карманы у стариков. У Циперовича немец обнаружил две красные тридцатирублевые купюры и горсть разной мелочи, а у Сойфера нашел паспорт, металлическую коробочку с сапожными кривыми иглами, кусочком смолы и воска, шилом с плоским жалом и дратвой.

– Шульц, спросите у этого осла, для чего он носит эту коробку с иглами и шилом? -- приказал лейтенант. – И почему он сразу не показал паспорт?

– Господин лейтенант, оказывается, он сапожник, а насчет паспорта, он сказал, что позабыл его в кармане и сейчас только обнаружил...

– Ладно, Шульц, ему простительна забывчивость, прочтите, что там значит в паспорте. Обратите внимание на место жительства и национальность.

Старики поняли, о чем говорил офицер ефрейтору, и решили, что – это конец. Ефрейтор с трудом разобрался с тем, что было написано в паспорте. И только произнес одно магическое слово «юдэ», как лейтенант весь преобразился, побледнел и с озабоченным видом подошел к ефрейтору.

– Шульц, видимо оба старика евреи... Их следовало бы отвезти в зондеркоманду и сдать Кристиману, но у нас нет времени возиться с этими старыми ослами! Может быть, сами расстреляем и уедем? Как вы думаете, нас оправдает руководство? – неуверенно спросил лейтенант у пожилого ефрейтора. Ефрейтор опустил глаза и задумался. Затем закурил сигарету и, подойдя поближе к молодому рыжеволосому лейтенанту, тихо сказал:

– Господин лейтенант, военному служащему вермахта не подобает заниматься карательной акцией – это дело СС и гестапо... Но я понимаю и другое... Среди солдат есть и те, которые могут донести обо всем этом началь-

ству, и вы можете лишиться погон. Расстрелять их проще, но честь солдата...

Пока совещались лейтенант с ефрейтором, солдаты, стоявшие рядом со стариками, начали возмущаться медлительностью командира. Один говорит:

– Вальтер, как ты думаешь, о чем они там спорят? Я бы этих евреев уже давно расстрелял, и мы бы спокойно уехали... Что ты на это скажешь?

Когда Абрам услышал слова солдата, он понял, что их сейчас расстреляют. Тяжело и горько стало на душе у старика. Он обнял друга и сказал:

– Мой дорогой Мордке, давай попрощаемся перед смертью! Тяжкая доля нам на старости досталась, приходится умирать посреди русской степи от рук этих извергов! Даже некому будет совершить над нами «кадиш»...

Мордухай, словно окаменел, обняв друга. Слезы текли из его стариковских глаз и касались лица Сойфера. Он хотел что-то сказать другу, но изнутри вырвался тяжелый стон, и тело Мордухая задрожало. Старик вытянулся, глаза закатились, и он стал оседать на землю. Абрам подхватил друга и медленно положил на траву. Немцы решили, что старики разыгрывают спектакль и расхохотались. Абрам понял, что друг умирает и помочь ему он не в силах. Став на колени и нагнувшись над телом, он, рыдая, начал говорить: «Мордке! Дорогой мой, не умирай один! Я с тобой рядом... Не умирай!» Лейтенант и ефрейтор подошли к старикам. Они поняли, что один из них уже скончался, а второго не следует трогать, пусть похоронит своего товарища. Лейтенант молча положил паспорт Сойфера на траву рядом со стариками, и немцы, сев на грузовик, благополучно уехали.

– Горе мне, дорогой друг! – рыдая, причитал Сойфер. – Остался я один... Что я буду теперь делать, куда пойду? Боже, за что ты наказал нас и мой народ? Разве не все люди одинаково грешны перед тобой?

Мордухай Циперович лежал как живой. Его потускневшие глаза устремились в голубое небо, а тело стало покрываться пятнами. Сойфер долго еще сидел возле своего друга. Потом прикрыл ему веки и произнес слова из «кадиша» (заупокойной молитвы):

– Благословен судья праведный... Открой небесные врата, и пусть наступит конец всем нашим страданиям...

Жара не спадала. В голубом небе висели жаворонки, оглашая степь своим бесконечным пением. Назойливые мухи и разные насекомые, почувствовав трупный запах, стали слетаться и назойливо кружить над лицом усопшего. Закрыв лицо покойника пиджаком, Абрам достал из ботинка Циперовича спрятанный паспорт и положил к себе в карман. Надо было выкопать яму, но чем?.. В километре стояло старое, невысокое дерево, и Сойфер медленно побрел к нему. Подойдя к яблоне, он подобрал с земли немного червивых яблок, положил в карман, затем выломал несколько сухих веток. Он вернулся к телу друга, тяжело вздохнул и начал обламывать мелкие сучки с ветки. Недалеко от обочины старик разметил контур могилы и принялся острым концом ветки разрыхлять травянистую землю. Только к заходу солнца ему удалось выкопать неглубокую яму. Изнемогая от усталости, Сойфер перетащил отяжелевшее тело Мордухая к могиле. Затем достал из кармана две медных пятикопеечных монеты и положил их на глазницы покойного. После этого Сойфер принес пиджак Мордухая и, сложив его руки на груди, накрыл пиджаком. Помолившись на восток, старик начал засыпать могилу. От слез и страданий глаза Абрама воспалились, и лицо горело от боли. Соорудив нечто похожее на могильный холмик, он вставил черенок сухой ветки и поклонился праху Мордухая Циперовича. И пошел Абрам Сойфер по степной дороге. Хватило ли сил у него дойти до ближайшего села или нет, об этом никто не знает.

Эту тайну хранят Сальские степи...

Содержание

Ночная исповедь.....	3
Тайное захоронение.....	16
Верблюд Омар спас мне жизнь.....	30
Тирольский чабан Ваха Асламбек из Джалги....	40
Она мне понравилась почему-то... ..	44
И пошли они по сальским степям.....	49

Литературно-художественное издание

Чагаев Шагин Егняевич

**Унесенные ветром
прошлой войны...**

Рассказы

Директор издательства *Баев Ф.Ф.*
Компьютерная верстка *Баев Д.Ф.*

Книга издана в авторской редакции

**Сдано в набор 25.09.2006. Подписано в печать 01.10.2006.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Школьная». Усл. п. л. 3,75.
Тираж 100 экз. Заказ №314.**

**ООО «Ростиздат»
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 23.**